

В глубине императорского дворца, в покоях кронпринца.

Мягкий искусственный свет небесного свода пробивался сквозь особые фильтры купола, согревая пространство теплом закатного солнца, но не слепя глаза. Воздух был напоен легким ароматом успокаивающих благовоний. Цинь Янь-чао погрузился в глубокий сон, устроившись в просторном парящем шезлонге.

Его серебристые пряди волос беспорядком рассыпались по лбу и шее, подчеркивая неестественную, почти прозрачную белизну кожи. Длинные густые ресницы отбрасывали под глазами крошечные тени безмятежности. Те самые сине-фиолетовые глаза, что в обычные дни излучали ленивую улыбку или разили ледяной острой сталью, сейчас были плотно закрыты. Лишь изредка, когда вздрагивали веки, можно было заметить мелькнувший тончайший золотистый отблеск — скрытый признак выдающегося врожденного таланта духовной силы. Спал он крепко, дыхание было ровным и легким, а воротник роскошного парадного одеяния кронпринца был слегка расстегнут, обнажая изящные линии ключиц. Приближался период пробуждения, но даже незримое давление, исходившее от прогнозируемого уровня SS, не могло ни на йоту потревожить его сон. Разве что во сне его лицо казалось чище и беззащитнее, чем в обычные дни.

Сознание погрузилось в пучину океана, и время потекло вспять...

Пышущий цветами императорский сад утопал в лучах мягкого теплого солнца. Маленькая фигурка сидела на корточках на земле и с любопытством теребила светящуюся звёздную спираль.

Это был маленький Цинь Яньчао.

Раздались шаги. Малыш Яньчао поднял голову и увидел пару незнакомых мужчин — проводника и стража, — которые направлялись сюда. Следом за ними шлёт мальчик чуть старше его самого. У мальчика были мягкие черные волосы, он опустил голову и, казалось, немного дичился. Но в тот момент, когда он случайно поднял взгляд, пара чистых, красивых янтарных глаз мгновенно приковала к себе все внимание маленького Яньчао. Эти глаза напоминали первоклассный мед или согретую солнечными лучами смолу — до поразительного чистые.

— Вы кто такие? — маленький Яньчао поднялся на ноги и спросил с присущим членам императорской семьи неосознанно-высокомерным тоном.

Эта пара мужчинтительно поклонилась, пояснив, что они друзья императора и пришли обсудить важные дела.

Взгляд же маленького Яньчао так и не оторвался от мальчика:

— А можно оставить его здесь? Я буду с ним играть, а когда вы закончите дела, заберете его.

Он старался подражать взрослому тону, но в его словах сквозила детская прямота, которая позабавила тех двоих.

Они переглянулись — сначала посмотрели на собственного сына, нервно теребившего край одежды, а затем на сияющего глазами маленького наследного принца. Поколебавшись немного, они все же согласились:

— Сюаньсюань, ты пока... побудешь с младшим братом, поиграешь немного, а мы с папой, как освободимся, сразу за тобой приедем.

Маленький мальчик резко поднял голову, в его глазах промелькнула растерянность, но он послушно кивнул. Проводив взглядом уходящих родителей, он бессознательно принялся теревить пальцы.

В саду остались только двое малышей.

— Я Цинь Яньчао, можешь звать меня Чао-чао, — маленький наследный принц сам подошел ближе, озаренный сияющей улыбкой. — Гэгэ, как тебя зовут?

Мальчик посмотрел на младшего брата, который был чуть ниже ростом, но при этом выглядел невероятно ослепительно, и тихо ответил:

— Я... меня зовут Ло Сюань.

— Гэгэ Ло Сюань, — маленький Яньчао внезапно подался еще ближе, чуть ли не соприкасаясь с ним лицами, и успешно напугал Ло Сюаня, который отпрянул назад.

Маленький наследный принц, впрочем, ничуть не смутился и искренне восхитился:

— У тебя такие красивые глаза! Маленький Ло Сюань остолбенел. Никто и никогда еще не хвалил его так прямо. Он заглянул в близко расположенные глаза — те обладали крайне редким сине-фиолетовым оттенком, столь глубоким, что казалось, будто в них заключено целое звездное небо, где то и дело проскальзывали крошечные золотистые искорки, таинственные и великолепные. На мгновение он замер, а затем подсознательно тихо ответил:

— Твои... твои глаза еще красивее... как звездное небо...

Улыбка маленького кронпринца стала еще шире. Он схватил Ло Сюаня за руку:

— Пойдем! Я покажу тебе свою тайную базу!

Детская дружба всегда завязывается стремительно. Не прошло и полдня, как оба малыша уже вовсю увлеченно играли в самом дальнем уголке сада. Маленький Ло Сюань тоже постепенно расслабился, перестав выглядеть натянутым и испуганным, и даже начал слегка улыбаться, когда кронпринц неуклюже пытался поймать бабочку.

Однако счастливые часы всегда мимолетны. Родители Ло Сюаня вернулись и собирались забрать его домой.

Маленький Янь Чжао тут же заволновался, ухватившись за руку Ло Сюаня и отказываясь ее отпускать:

— Разве нельзя поиграть еще немного? Или... или пусть братик Ло Сюань пожил бы во дворце, можно? Мой дворец очень большой!

Как раз в этот момент император, завершив государственные дела, проходил мимо. Увидев, что его собственный сын впервые так сильно привязался к товарищу по играм, а также заметив, что сын старого друга и впрямь послушен и разумен, он с улыбкой вмешался, предлагая остаться:

— Раз уж Чао-чао так привязался, поживите-ка во дворце еще несколько дней. Пусть дети

подольше поиграют.

Раз уж слово молвил император, возражать, разумеется, никто не стал. Маленький Янь Чжао чуть не подпрыгнул от радости, а маленький Ло Сюань тихонько выдохнул, и в его глазах промелькнуло ожидание.

Последующие дни стали самым ярким воспоминанием в детстве обоих детей. Они вместе читали книги, вместе исследовали огромную голографическую симуляционную комнату, делились вкусными пирожными. Капризность и своенравность кронпринца рядом с тихим братиком Ло Сюанем, казалось, значительно поутихли, а молчаливую замкнутость маленького Ло Сюаня постепенно растопил похожий на маленькое солнышко Чао-чао.

Но расставание в конце концов настало. Спустя несколько дней Ло Сюань все же вернулся домой с родителями. Кронпринц стоял у ворот дворца, провожая взглядом улетающий аэрокар, и впервые в жизни познал вкус того, что зовется тоской по ушедшим.

.....

Сновидение текло дальше, картина внезапно изменилась.

Прошло, казалось, года два. В саду Цинь Янь Чжао повторял урок этикета, выглядя несколько рассеянным.

Придворный слуга пришел с докладом, сообщив, что пришел юный господин Ло Сюань.

Кронпринц тут же бросил утомительный этикет и побежал навстречу, словно радостная маленькая птичка. Однако у ворот дворца Ло Сюань, которого он увидел, уже не был тем застенчивым, но с ясными глазами братиком из его воспоминаний.

Стоявший перед ним Ло Сюань был облачен в черные траурные одежды, его фигура казалась еще более хрупкой и исхудавшей, прежде белое лицо лишилось всяких красок, а прекрасные янтарные глаза до краёв переполнились огромной скорбью и растерянностью, напоминая брошенного бурей детеныша зверя, лишенного гнезда.

— Братик Ло Сюань! — сердце маленького Янь Чжао резко сжалось.

Услышав его голос, Ло Сюань поднял голову, и в тот самый миг, когда он увидел кронпринца, сдерживаемые до сих пор слезы наконец прорвали плотину. Он стремительно бросился вперед, крепко обняв маленького Янь Чжао, и его маленькое тело забило в сильной дрожи от сдерживаемых рыданий.

— Чао-чао... Отец и папа... они... погибли в бою... у меня больше нет дома... — в прерванном рыданиями голосе звучала невыносимая боль.

Маленький Янь Чжао замер, после чего волна острой жалости захлестнула его целиком. Он изо всех сил обнял Ло Сюаня в ответ, утешая его своим еще по-детски наивным способом:

— Не бойся, не бойся, братик Ло Сюань не боится... Отныне это твой дом! Я твоя семья! Я буду всегда рядом с тобой! Обещаю! После этого маленький наследник действительно неотступно сопровождал Ло Сюаня, помогая ему пережить те самые первые, самые мрачные дни. Он своей неуклюжей, но искренней теплотой капля за каплей рассеивал мрак в глазах Ло Сюаня.

Картина сменилась вновь: перед глазами встал дворцовый пир.

Чуть подросший Цинь Яньчао озирался по сторонам в поисках Ло Сюаня, но в каком-то углу заметил возмутительную сцену: заносчивый знатный паводок в окружении нескольких прихвостней обступил Ло Сюаня и, не стесняясь в выражениях, насмехался над ним: — Хм, безродный ублюдок без мамы и папы! Если бы не доброта Его Высочества наследного принца, разве ты достоин находиться во дворце?

Ло Сюань крепко сжал кулаки, его тело слегка подрагивало от гнева, а в янтарных глазах пылал огонь, но он до крови закусил губу и не смел пустить в ход кулаки. Он помнил о своем положении и не хотел доставлять хлопот приютившим его Его Величеству Императору и Чао-чао.

— Достоин он или нет — тебе ли решать?!

Ледяной голос прозвучал за спиной. Маленький наследник Цинь Яньчао шаг за шагом приближался; его изящное личико покрылось морозным узором, в сине-фиолетовых глазах сверкала поразительная острота, а присущее имперскому наследнику давящее присутствие вырывалось наружу без малейшего сдерживания.

Знающие аристократичные детишки вмиг побледнели.

Цинь Яньчао даже не взглянул на них, прямо подошел к Ло Сюаню, заслонил его собой, уводя за спину, и уставился на зачинщика: — Извинись перед ним. Сейчас же, немедленно.

Тот ребенок, подавленный исходящим от принца грозным давлением, сбивчиво пробормотал извинения.

— Проваливайте. Если я еще хоть раз увижу, что вы к нему пристаёте, одним извинением дело не кончится. — Голос маленького наследника был негромким, но в нем звучала непреклонная сила.

Толпа, словно получив помилование, с позором бросилась наутек.

Лишь тогда Цинь Яньчао повернулся к Ло Сюаню, чьи покрасневшие глаза едва сдерживали слезы, и смягчил тон, наполнив его непоколебимой решимостью: — Братец Ло Сюань, не бойся таких ничтожеств. Отныне я буду прикрывать тебя, и если кто-то еще смеет обижать тебя, я задам ему хорошей трепки! Я защищу тебя.

Глядя на то, как тот без малейших колебаний встал на его защиту, слушая его детские, но такие веские обещания, Ло Сюань наконец уронил слёзы. Он тяжело кивнул, и хотя голос его дрожал от рыданий, звучал он столь же непреклонно: — Угу... Чао-чао, я в будущем... тоже непременно защищу тебя! Защищу ценой собственной жизни!

...Он говорил совершенно серьезно.

Вскоре эта мысль воплотилась в реальность. С молчаливого одобрения и даже намеренного содействия Его Величества Императора Ло Сюань по собственной воле подал прошение о вступлении в тренировочный лагерь резерва личной гвардии наследного принца.

То были суровые и изнурительные тренировки, нагрузка в которых намного превосходила возможности сверстников. Каждый день Ло Сюань возвращался едва ли не на ватных ногах, а его тело вечно было покрыто синяками и ссадинами от ушибов и изнуряющей подготовки.

Маленькое сердце наследника разрывалось от жалости. Поскольку помешать этому он не мог, то каждый день упрямо дежурил у тренировочного поля или ожидал прямо у дверей комнаты Ло Сюаня. Как только появлялась уставшая фигура, принц брал лучшую дворцовую мазь и наотрез отказывался доверять кому-либо еще — сам принимался бережно обмывать и обрабатывать раны своего братца Ло Сюаня.

Ло Сюань вечно отнекивался, говоря, что это «не по правилам», но уступить упрямству наследника не мог. Теплое полотенце нежно касалось ссадин, а мазь распространяла освежающий холодок. Маленький наследник низко наклонял голову, действовал с предельной осторожностью и порой легонько дул на раны, словно это могло прогнать боль.

...Сновидение подходило к концу.

Шел еще один день ожидания у дверей. Маленький наследник прислонился к косяку, веки начали слипаться, но он изо всех сил цеплялся за бодрствование, отказываясь засыпать.

В конце коридора послышался знакомый, слегка тяжеловатый шаг. Это после тренировки возвращался Ло Сюань.

Цинь Яньчао вздрогнул, мгновенно прояснив разум; на его лице тут же расцвела улыбка, и с губ сорвалось привычное, заготовленное на каждый день: — Братец Ло Сюань, ты вернулся!..

Однако слова так и не долетели до конца. Сон...

...Развеялся.

Ресницы Цинь Яньчао на парящем кресле слегка затрепетали, и он медленно открыл глаза. В сине-фиолетовых омутах еще таилась дымка сна, смешанная с легкой отрешенностью.

Двери опочивальни тихо приоткрылись, и в комнату кто-то вошел. Гость был облачен в безупречно отутюженную форму гвардейца; стройный стан, широкие плечи, длинные ноги и аккуратно уложенные короткие иссиня-черные волосы. Это был не кто иной, как Ло Сюань.

Мягкость детских черт исчезла с его лица, сменившись резкими, мужественными линиями — красивыми и строгими. Лишь глаза, смотревшие на наследника, по-прежнему оставались чистыми и теплыми, цвета янтаря, только теперь на их дне залегли глубокая уверенность, верность и нежность, которую невозможно было растопить.

Цинь Яньчао смотрел на него, и сон с реальностью на мгновение переплелись; не успевшая вырваться во сне фраза сорвалась с губ сама собой, шепотом: — Братец... ты вернулся...

Шаги Ло Сюаня на миг замерли. Глядя на только что очнувшегося в кресле наследника, его суровый взгляд почти мгновенно смягчился, подобно тающему по весне льду. Он подошел ближе, а его голос прозвучал низко и мягко: — Почему заснул здесь? Простудишься.

Услышав его голос, Цинь Яньчао окончательно пришел в себя. Меланхолия от ушедшего сна быстро рассеялась; он изогнул губы в улыбке, возвращая себе привычный ленивый и чуть насмешливый вид, и нарочито протянул гласные: — Да так... ждал своего братца Ло Сюаня~

Кончики ушей Ло Сюаня едва заметно покраснели. Глядя на наследника полным всеобъемлющего баловства взглядом, он послушно подыграл: — Значит... заставил Чао-чао долго ждать.

Они смотрели друг другу в глаза, и в воздухе разливалось не нуждающееся в словах взаимопонимание и теплота — оба невольно вспомнили те годы юности, когда они опирались друг на друга.

Цинь Яньчао улыбнулся и протянул руку. Ло Сюань естественным движением перехватил ее, поднимая принца с шезлонга.

— Жань-жань только что передал по связи, что медицинский блок полностью готов, мы можем выдвигаться в любой момент, — произнес Ло Сюань ровным тоном, хотя пальцы, сжимавшие руку наследника, невольно чуть сильнее напряглись. Период крайнего возбуждения при пробуждении класса SS — штука серьезная, и одна струна в его душе уже была натянута до предела.

Цинь Яньчао замер на месте и в ответ сжал руку Ло Сюаня еще крепче, легонько царапнув ногтем его покрытую мозолями ладонь. Заметив, как партнер на секунду окаменел, он рассмеялся, словно укравший сливки кот.

— Хорошо, тогда пойдем, — отозвался он, скосив взгляд на стоявшего рядом человека. Его глаза горели ярким огнем, в них читалось предвкушение и не терпящее возражений чувство собственности: — Во всяком случае... после этого пробуждения мой братец Ло Сюань станет моим по-настоящему, целиком и полностью.

Щеки Ло Сюаня наконец тоже окрасились легким румянцем. Он отвел излишне прямой взгляд наследника, но вырывать руку не стал, лишь глухо обронил: — ...Мм.

Сплетшись пальцами, они рука об руку направились к уже подготовленной изоляционной смотровой палате.

<http://bllate.org/book/22329/2338895>